

Святой Царевич

Святой Царевич

Воспоминания современников

Чудеса

ЦЕЛТИРЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

7513

Будучи горячим патриотом (считал хорошим только всё русское), он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости его существо наполняла мысль о том, что он — будущий царь: вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. Благодаря болезни, знакомый со страданиями, он проявлял большую чуткость к несчастным и обездоленным и не допускал случая, когда мог сделать что-нибудь приятное окружавшим его. (Н.В. Воейков)

Художник — *Дмитрий Воронцов*
Компьютерная верстка — *Сергей Чуваев*
Формат: 70x100/32, тираж: 10000 экз.

Текст, макет, оформление — «Псалтирь», 2005.

РОЖДЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ ЦЕСАРЕВИЧА

Его Императорское Высочество, наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич Романов родился 30 июля (12 августа по новому стилю) 1904 г. на Нижней даче Петергофа, в 13 часов 25 минут.

Вес Новорожденного составил 4660 грамм, рост — 58 см, окружность головы — 38, груди — 39 см (данные приведены из записи в памятной книжке Императрицы Александры Федоровны).

Крещение Наследника состоялось утром 11 августа в Большом Петергофском дворце. Главными крестными стали Мать Николая II Вдовствующая Императрица и Великая Княгиня Мария Федоровна и Великий Князь Алексей Александрович (дядя Императора). В качестве крестного отца также был указан кайзер Германии Вильгельм II. В настоящее время некоторые, не посвященные в детали этого исторического события люди, искренне полагают, что крестным Цесаревича был простой русский матрос, которого Император Николай II якобы вызволил из японского плена.

Это утверждение абсолютно не соответствует действительности и является всего лишь красивой легендой. Ее корни, безусловно, уходят в народную среду.

Наследник действительно появился на свет в разгар русско-японской войны, и многие полковые командиры, узнав об этом радостном для России и Царской Семьи событии, просили Николая II разрешить им считать себя и своих подчиненных «крестными отцами» Наследника Престола. Само собой, Государь не отказывал защитникам отечества, ежедневно выходявшим на поединок со смертью. Таким образом, «крестных» из числа военнослужащих Российской Императорской армии и флота у Алексея Николаевича насчитывалось две-три дивизии.

В день крещения на него возложили знаки орденов Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла, Анны и Станислава. Младенца Алексея Николаевича зачислили в списки Гвардейского экипажа, 89-го пехотного Беломорского полка и назначили Атаманом всех казачьих войск. «Дорогой малютка» должен был вырасти храбрым солдатом, мудрым, сильным монархом, стать опорой династии Романовых.

«Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний!» — записал в своем дневнике Николай Второй 30 июля (по старому стилю), когда в четверть второго у Аликс родился сын, при молитве нареченный Алексеем. Николай назвал сына в честь любимого им царя Алексея Михайловича Тишайшего, правившего в XVII веке.

МАНИФЕСТ О РОЖДЕНИИ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

*М а н и ф е с т
от 30 июля 1904 г.*

БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным НАШИМ подданным:

В 30-й день сего Июля Любезнейшая Супруга НАША, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА благополучно разрешилась от бремени рождением нам Сына, нареченного Алексеем. Приемля сие радостное событие, как знаменованье благодати Божьей на НАС и Империю НАШУ изливаемой, возносим вместе с верными НАШИМИ подданными горячие молитвы ко Всевышнему о благополучном возрастании и преуспевании НАШЕГО Первородного Сына, призываемого быть Наследником Богом врученной НАМ Державы и великого НАШЕГО служения. Манифестом от 28 Июня 1899 года призвали МЫ Любезнейшего Брата НАШЕГО, Великого Князя Михаила Александровича к наследованию НАМ до рождения у НАС Сына. Отныне в силу основных Государственных Законов Империи, Сыну НАШЕМУ Алексею принадлежит высокое звание и титул Наследника Цесаревича, со всеми сопряженными с ним правами.

Дан в Петергофе в 30-й день Июля в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое, Царствования же НАШЕГО в десятое.

На подлинном Собственную ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: «НИКОЛАЙ».

*Печатано в С.-Петербурге, при Сенате
Июля 30 дня 1904 года*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРЕВИЧЕ АЛЕКСЕЕ

Рассказ дочери капитана 2 ранга П. А. Геринга, Аллы Петровны Аладьиной

Во время пребывания Царской Семьи в Крыму, что обычно бывало осенью, офицеры Черноморского флота приглашались по очереди в Ливадию к высочайшему завтраку.

В один из таких завтраков мой отец получил тоже приглашение. Приглашенные рассаживались за столом, согласно заранее разложенным карточкам, с указанием чина и фамилии.

Наследник Цесаревич, которому в то время (1911 год) исполнилось семь лет и который, как известно, обладал живым и игривым характером, увидя на приборе моего отца карточку с надписью: «Капитан 2 ранга», попросил у моего отца карандаш и зачеркнул им цифру 2, заменив ее цифрой 3 (ранга), и подписал: «Алексей».

Эту милую шалость заметил Государь, который подошел к моему отцу и так же мило ска-

зал: «Алексей, вероятно, хотел произвести вас в следующий чин, а на самом деле вышло наоборот!».

К сожалению, эту историческую карточку не удалось сохранить и вывести из Советской России и она, очевидно, пропала.

Из воспоминаний протопресвитера Георгия Шавельского

Генерал Риккель всегда сидел против Наследника по другую сторону стола и между ними постоянно происходила пикировка. Риккель начинал гладить свой большой живот, показывая глазами Наследнику: у тебя, мол, такого «благоутробия» нет. Наследник тоже начинал разглаживать свой животишко. «Non, non, non», улыбаясь, отвечает Риккель. Алексей Николаевич начинает крутить пальцами около носа, где должны бы быть усы. «Non, non, non!» — опять слышится тихая октава Риккеля. Наследник побежден, но не хочет сдаться. Посидев минуты две спокойно, он начинает крутить у себя надо лбом волосы и, предвкушая победу, упорно смотрит на Риккеля. Последний пробует копировать Наследника, но ничего не выходит, так как череп генерала Риккеля голый, без волос. Риккель побежден... И Наследник кричит: «Non, non, non!».

Из воспоминаний Юлии Ден

«Все его учителя говорили мне о выдающихся способностях Цесаревича, о его большом пытливом уме и о трудных вопросах, им зада-

ваемых. Все восхищались благородством его характера, добротой и отзывчивостью его сердца. Один из самых близких к нему учителей говорил мне в интимной искренней беседе: «В душе этого ребенка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа его — самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеешь насадить их и взрастить, то Русская земля получит не только прекрасного и умного государя, но и прекрасного человека».

Из воспоминаний Н. Д. Семенова-Тян-Шанского

Государь очень хорошо плавал и любил купаться. После продолжительной гребли на двойке в финских шхерах мы причаливали к какому-нибудь островку и купались. В этих редких, случайных встречах Государь проявлял необыкновенную простоту в обращении. Когда мы были в воде, Цесаревич, резвившийся на берегу (он не купался), сбил мои вещи, аккуратно сложенные на скамейке, в песок. Я начал было выходить из воды, желая подобрать вещи, так как был ветер, и их разбросало; Его Величество, обращаясь ко мне, сказал: «Оставьте вещи, Алексей их уронил, он и должен их собрать», — и, обращаясь к Наследнику, заставил его поднять мои вещи.

Из воспоминаний С.Я. Офросимова

Однажды Цесаревич вошел в кабинет Государя, который в это время беседовал с министром. При входе Наследника собеседник Го-

сударя не нашел нужным встать, а, лишь приподнявшись со стула, подал Цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним и молча заложил руки за спину; этот жест не придавал ему заносчивого вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед Цесаревичем. На это Цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав Государю что-то о своей прогулке, он медленно вышел из кабинета. Государь долго глядел ему вслед и, наконец, с грустью и гордостью сказал: «Да. С ним вам не так легко будет справиться, как со мною».

Из воспоминаний К.М. Битнер

Я любила больше всех Алексея Николаевича. Это был милый, хороший мальчик. Он был умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый и жизнерадостный, несмотря на свое частое тяжелое болезненное состояние... Он привык быть дисциплинированным, но не любил былого придворного этикета. Он не любил лжи и не потерпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо. В нем были совмещены черты и Отца и Матери. От Отца он унаследовал его простоту. Совсем не было в нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Он был прост. Но он имел большую волю и никогда бы не подчинился постороннему влиянию... Он уже много пережил и понимал людей. Но он был замкнут и выдержан. Он был страшно терпелив, дисциплинирован и требователен к себе и другим. Но

он был добр, как и Отец, в смысле отсутствия у него возможности в сердце причинить напрасно зло.

Из книги В.Н. Воейкова «С Царём и без Царя»

Будучи горячим патриотом (считал хорошим только всё русское), он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости его существо наполняла мысль о том, что он — будущий царь: вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. Благодаря болезни, знакомый со страданиями, он проявлял большую чуткость к несчастным и обездоленным и не допускал случая, когда мог сделать что-нибудь приятное окружавшим его.

Из воспоминаний Пьера Жильера

Алексей Николаевич был умный, сметливый и живой ребенок, в высшей степени сердечный и полный восторженности и пламенных порывов. Очень простой от природы, чуждый всякого высокомерия и тщеславия, он нисколько не кичился тем, что был Наследником, и самым большим счастьем для него являлась возможность поиграть с сыновьями своего матроса Деревеньки, мальчуганами, немного помладше его. Он глубоко преклонялся перед своим отцом, благодетелем и старался подражать ему во всем.

Товарищ Его Высочества

Актер советского кино, когда-то юнга на императорской яхте «Штандарт», дружил с царевичем Алексеем.

Зрители редко запоминают фамилии актеров, снимавшихся в эпизодах. Но иногда с удовольствием узнают их в лицо. Так произошло с Георгием Светлани. Актера давно нет в живых, но облик его остается в памяти зрителей — ведь популярные фильмы с его участием постоянно идут на телеэкране. Это и «Машенька», и «Тридцать три», и «Дело было в Пенькове», и «Бриллиантовая рука», и «ТАСС уполномочен заявить...». А в картине «Спорт, спорт, спорт» Светлани сыграл единственную в своей жизни главную роль — старого массажиста, от чьего имени идет повествование.

Георгий Данилович прожил долгую жизнь, но лишь его близкие и друзья знали, что на заре XX века Гринька Пиньковский (так тогда его звали) служил юнгой на императорской яхте «Штандарт» и был выбран товарищем для наследника престола — царевича Алексея. Путешествия на самой роскошной шхуне Российской империи, повседневная жизнь царской семьи глазами подростка — об этом Георгий Светлани однажды написал воспоминания без всякой надежды на публикацию. Много лет спустя мемуары актера «Товарищ Его Высочества» были найдены, а недавно подготовлены к печа-

ти в издательстве «Деком» киноведом Сергеем Капковым. Отрывок из них мы сегодня публикуем.

Бойка

Встреча с английским королем стала для меня роковой. Когда он впервые посетил «Штандарт», прикатив в Россию на своей роскошной яхте «Виктория», я стоял фалгребным на царском трапе. У короля в руках была плетеная корзинка. Я хотел было освободить этого пузатого дядьку от ноши и взять из его рук корзинку, но тот отпихнул меня в сторону, принял рапорт и, всем на удивление, стал обходить линию фронта с корзинкой в руках. Когда король встретился с Алексеем, то присел на корточки и откинул крышку корзинки. Оттуда выскочила крохотная собачонка породы шпиц. Это было неожиданно и смешно, все заулыбались, каждому захотелось приласкать эту чудненькую, лохматенькую псиночку. За шустрый характер собачку назвали Бойкой. Но стервой она оказалась невероятной. На всех кидалась, кусалась, постоянно лаяла. Юнги от нее отбрыкивались, но за это их ставили часа на два — на три «сушиться» на солнцепеке. Бойку они возненавидели и однажды решили устроить ей «темную».

— Пиньковский, ты свой в доску, Бойка к тебе попривыкла. Замани ее к нам в кубрик, и мы там ее немножко приласкаем...

Собака как раз шмыгала рядышком с кубриком юнг в свитском коридоре. Я похлопал себя по ляжкам и покликнул ее. Бойка, наверное,

подумала, что ей дадут что-нибудь вкусненькое, и пошла за мной в кубрик. Тут на нее быстренько набросили одеяло и стали лупить, чем ни попадя. В общем, натешились вдоволь. Я даже растерялся — не ожидал такого поворота событий. Собачонка вышла из кубрика, словно пьяная баба, шатаясь из стороны в сторону и еле волоча ноги. Говорить она не умела, и все решили, что этот номер у них пройдет. Но не прошел он для меня. Память у Бойки оказалась сильнее собачьего нюха.

Утром, после завтрака, вся царская детвора должна была отправиться на береговой отдых. У трапа стоял пришвартованный катер, в нем уже восседали Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, Деревенько, Вишнякова и другие приближенные. Катер не отваливал в ожидании меня... Я же задержался по причине добывания продуктов: картошки, соли, хлеба, масла — мы ежедневно пекли картошку на углях и уплетали ее за обе щеки. На минутку прибыл бы раньше, ничего, может, и не случилось бы. Но, как только я появился, откуда-то вышмыгнула Бойка и с лаем кинулась на меня. Поначалу все засмеялись. Я защищался от укусов собаки, бросил корзину с провизией, повис на вантах, качнулся и так сильно угодил ей сапогом в бок, что Бойка опрокинулась, трахнулась башкой о какую-то железяку, взвизгнула и повалилась замертво. От такого финала все как онемели. Командир Чагин подошел ко мне и, хотя раньше никогда даже не повышал голоса, прошипел:

— Пшшшел вон отсюда!

Катеру приказали отчаливать...

Не знаю, чем утешали Алексея, но если бы не его слезы и невероятная привязанность ко мне, я бы погиб. Меня хотели запороть на берегу, отправить в колонию для малолетних преступников, все меня сторонились, боялись со мной разговаривать. Начальство ожидало, что скажет Николай Александрович... Но государь молчал и вел себя так, будто ничего не произошло.

Перестраховываясь, раздули из мухи слона. Если бы я был посмелей, побежал бы к наследнику, никто бы не посмел встать на моем пути. Но, как говорится, «у страха глаза велики». Приходили мысли даже покончить жизнь самоубийством. Я не пил, не ел, но это уже нико-го не интересовало.

Царский скороход

На другой день, когда все спали, я сидел на своем рундуке, смотрел в открытый иллюминатор и думал — а не дать ли мне теку? Доплыть до любого берега я бы смог, жутковато было оказаться на необитаемом острове. Детский страх перед неизвестностью победил. И тут кто-то потербил меня за плечо и ласково спросил:

— Ты не спишь? Еле тебя разыскал. Проголодался, небось? Смотри, я еду тебе принес. Ешь, поправляйся... Ничего, Бог помилует...

Это оказался царский лакей-скороход. Он сел рядышком и стал бубнить:

— Беда, Пиньковский... Они, сволочи, рады, что тебя отстранили от наследника, да побаива-

ются в присутствии государя что-нибудь с тобой сделать. Ждут, когда Их Величество покинет корабль. Прямо не знаю, что тебе и посоветовать... Не удрать ли, пока не поздно? Молись Богу, чтобы Бойка не подохла. Она, окаянная, ничего... Уже жрет... Постараюсь поднять ее на ноги. Говорят, если Бойка померет, то и ты должен будешь сдохнуть... Вот гады!.. Ничего, не робей, я все буду узнавать и тебе докладывать. А что не так — организую побег. Главное, все надо сделать, пока государь на яхте. А уедет — пиши «пропало». Они, сволочи, в порошок тебя сотрут...

Так продолжалось несколько дней. Скороход все время рассказывал мне последние новости. Собаку, оказывается, списали на излечение во дворец, наследник о ней и не вспомнил. Николай решил отпраздновать тезоименитство Алексея, поэтому пребывание их величеств на корабле задержалось. Казалось, что моей судьбой кроме лакея-скорохода уже никто не интересовался. Он старался приносить мне побольше лакомств, а юнги охотно их пожирали и поэтому даже были рады всему происходящему.

Наследник

На четвертый или пятый день, под вечерок, вконец истерзанный думами, я сидел в одиночестве на рундуке. Вдруг в кубрик влетел один салажонок и с криком бросился ко мне:

— Пиньковский, черт тебя побери, дуй скорее по свитскому коридору! При выходе из царс-

ких хором на верху внутреннего трапа такая волынка поднялась! Там Деревенько, Вишнякова, Вырубова и еще кто-то, они уговаривают наследника. Он психует, ногами топает и требует тебя. Валяй скорее туда да стащи чего-нибудь из буфета!.. Я рванул как угорелый, а вслед услышал:

— Только старайся все же никакой сволочи на глаза не попадаться!..

По дороге забежал в буфет, сцапал несколько тарелок, шмыгнул по свитскому коридору и спрятался за трапом. То, что я услышал, потрясло меня до глубины...

— Ваше Высочество, пора спать, уже поздно. Да мы и не знаем, где его искать, — говорила няня Вишнякова.

— Не дай бог, папа увидит! Нам всем попадет, — слышался еще чей-то голос, а другие голоса подхватили:

— Пиньковский нехороший, злой! Убил Бойку, играть с тобой не хочет! Он сказал, что не любит тебя!

— Да его, наверное, уже и нет! Куда-нибудь уехал. А был бы здесь, давно бы пришел и извинился. Идемте, Ваше Высочество, завтра все выясним.

На все просьбы и всяческие заявления Алексей отвечал совершенно обратное:

— Неправда! Он здесь, он никуда не уехал! Он хочет со мной играть! Он меня любит, он не злой и хороший. Это Бойка злая. Она всех кусает. Я Бойку не люблю! Я спать не буду,

пока не найду Пикоски! Пусть папа услышит — он сам прикажет его найти!

Алексей стал вырываться из рук и пытаться спуститься по трапу. Няня только причитала:

— Ну куда? Господи, куда нам идти? Давайте спросим кого-нибудь, где здесь помещаются юнги?..

Когда они почти спустились, я выскочил из укрытия. Наследник неистово закричал:

— Пикоски!!!

Я отшвырнул тарелки в сторону, и мы бросились друг другу в объятия. Алексей обмусолил меня всего, и мы оба ревели.

— Пикоски, а ты меня любишь? — спросил Алексей. — Ты хочешь со мной играть?

Вишнякова, подталкивая нас в спины, ответила за меня:

— Да, Ваше Высочество, он Вас любит и очень хочет с Вами играть. Теперь мы его не отпустим...

В детской стоял огромный неподвижный стол. Наследник забрался на него с ногами, стал ползать по столу на четвереньках и сгребать в большой серебряный поднос все, что попадалось ему под руку. Няня засмеялась:

— Алексей, да куда ему столько? Он же все это не съест!

А наследник уже разошелся не на шутку и захотел, чтобы я купался с ним в одной ванне. Мы еле отговорили его от этой затеи. Отпустить меня он никак не хотел, и, когда его уложили в постель, няня приказала мне снять бо-

тинки и прилечь с Алексеем поверх одеяла. Проснулся я, когда Алексей уже крепко спал. Тихонечко, на цыпочках, я пошел к себе, дав Марии Ивановне Вишняковой слово, что чуть свет буду в детской.

Теперь от Алексея зависело мое спасение. Как штык, я стоял у изголовья младенца, пока он не проснется. Никто даже не пикнул о нашем расставании, о встрече, о Бойке, будто и не было никакого инцидента с собакой. А, в общем-то, и действительно все было слишком преувеличено. И прежде всего я сам излишне перетрусил, побоялся прийти к наследнику с повинной. Слава Богу, что Николай продлил плавание, а то бы меня стерли с лица земли. Теперь же всем стало «кисло на хвосте», и многие вновь начали ко мне подлизываться.

Из книги Роберта К. Мэсси «Николай и Александра»

Роберт К. Мэсси родился в Лексингтоне, Штат Кентукки. Изучал американскую историю в Йельском университете, современную европейскую историю в Оксфорде. Президент Гильдии Авторов с 1987 до 1991 гг. Превосходно знает историю России и династии Романовых. Автор книг: «Николай и Александра», «Петр Великий» (Пулитцеровская премия), «Романовы: заключительная глава».

Царевич страдает гемофилией.

«Алексей был центром этой необычайно дружной семьи, всех надежд и привязанностей, —

писал Пьер Жильяр, — Сестры обожали его. Для родителей он был радостью и гордостью. Когда он хорошо себя чувствовал, дворец преобразался. Все и вся от этого, казалось, излучали солнечный свет».

Царевич был красивым мальчиком с голубыми глазами и золотыми локонами, которые позже превратились в каштановые и совсем перестали виться. С самого раннего детства он был умненьким и радостным ребенком, и родители никогда не упускали случая, чтобы похвастаться им. Когда малышу было всего несколько месяцев, царь встретил Мосолова, начальника придворной канцелярии, недалеко от детской. «Я думаю, что вы еще не видели моего дорогого маленького царевича, сказал Николай, — пойдете, я покажу его вам».

«Мы вошли, — говорил Мосолов, — когда ребенок принимал ванну. Он энергично колотил ножками по воде. Царь взял дитя из ванны в полотенце и поставил его маленькие ножки в свою ладонь, поддерживая его другой рукой. Это был голенький, пухленький, розовый, словом, восхитительный мальчик.

«Не правда ли, он красив?» — спросил царь, сияя от счастья».

На следующий день Николай сказал с гордостью императрице: «Вчера я продемонстрировал царевича Мосолову».

Когда пришла весна, первая после рождения Алексея, императрица стала брать его на прогулку в карете. Она была счастлива, когда

встречные, завидев экипаж, останавливались, улыбались и кланялись крохотному наследнику. Ему еще не было и года, когда отец взял его на смотр Преображенского полка. Солдаты прокричали ребенку громкое «ура!», и Алексей весело рассмеялся в ответ.

С самого рождения гемофилия нависла над этим жизнерадостным ребенком как темная туча. Первый явный симптом дал о себе знать через шесть недель, когда началось кровотечение в области пупка мальчика. Едва Алексей начал ползать и учиться ходить, эти проявления стали сильнее: его падения вызывали обширные темно-синие опухоли на ногах и руках. Когда ему было три с половиной года, удар по лицу вызвал сильный отек, полностью закрывший оба глаза. Императрица Мария Федоровна писала в тревоге из Лондона: «Я слышала, что бедный маленький Алексей стукнулся лбом, и его лицо так опухло, что страшно смотреть, и глаза совсем закрылись. Бедный мальчик, это ужасно, я могу вообразить, как вы напуганы. Но что делать, чтобы он не оступался? Я надеюсь, что это все пройдет и его очаровательное личико не пострадает от этого». Три недели спустя Николай отвечал Марии Федоровне следующее:

«Слава Богу, шишки и синяки прошли бесследно. Он так же здоров и весел, как его сестры. Я постоянно работаю с ним в саду».

С точки зрения медицины гемофилия означала, что кровь цесаревича не свертывалась нормально. Любая шишка или синяк, разрыва-

ющие мельчайшие кровеносные сосуды под кожей, могли вызвать медленное просачивание крови в окружающие мышцы и ткани. Вместо быстрого свертывания, как это происходит у нормальных людей, кровь может часами распространяться беспрепятственно, вызывая опухоль, или гематому, величиной с яблоко. В конце концов, когда кожа заполняется кровью, словно баллон, внутри него создается давление на поврежденный сосуд, и образуются сгустки свернувшейся крови. Восстановительные процессы развиваются медленно, и кожа становится желто-зеленой. Простая царапина на пальце была неопасной для царевича. Незначительные наружные порезы и царапины на поверхности тела лечились наложением плотной повязки, которая зажимала кровотечение и способствовала исцелению. Исключение составляли кровотечения из полости рта или носа — там, где нельзя наложить повязку. Однажды царевич, хотя и не испытывал боли, чуть было не умер от кровотечения из носа.

Самые тяжелые страдания и постоянную опасность для жизни таили кровоизлияния в суставах. Кровь, входя в ограниченное пространство лодыжки, колена или локтя, вызывала давление на нервы и причиняла ужасные боли. Иногда причина повреждения суставов была очевидной, иногда нет. Алексей мог проснуться утром с возгласом: «Мама, я не могу гулять сегодня!» — или: «Мама, я не могу согнуть локоть!» Сначала, когда конечности еще сгибались, позво-

ля обширным областям в суставе наполняться жидкостью, боль бывала небольшой. Затем, когда суставная сумка наполнялась кровью, боль усиливалась. Здесь мог бы помочь морфий, но из-за пагубной способности организма привыкать к нему Алексею никогда не давали наркотиков. Его единственным избавлением от болей была потеря сознания.

Попав внутрь сустава, кровь вызывает разрушительный эффект, воздействуя на кости, хрящи и ткани. Вследствие того что меняется состав костной ткани, суставы не разгибаются, принимая согнутое, неподвижное положение. Лучшее лечение в данном случае — постоянные упражнения и массажи, что достаточно рискованно, так как может вызвать новые кровоизлияния. В результате обычное лечение Алексея включало использование тяжелых металлических ортопедических приспособлений, которые, в сочетании с постоянными горячими грязевыми ваннами, в конечном итоге помогли распрямить пораженную конечность. Нет нужды говорить, что каждая такая процедура означала долгие недели постельного режима (1).

Сочетание столь высокого положения и исключительно тяжелой болезни приводило к тому, что Алексей рос под таким тщательным присмотром, какой редко бывает у детей. Когда он был еще совсем маленьким, няньки окружали его постоянной заботой. Когда ему исполнилось пять лет, доктора посоветовали, чтобы к царевичу приставили двух мужчин-телохранителей. Два матроса

императорского флота — Деревенко (2) и Нагорный — должны были оберегать его от травм. Когда Алексей болел, они исполняли функции нянек. «Деревенко был так терпелив и изобретателен, что просто изумлял способностью облегчать боль, — писала Анна Вырубова, близкий друг императрицы. — Я до сих пор слышу жалобный голос Алексея, умоляющего большого матроса: «Возьми мою руку», «Положи мою ногу», «Согрей мои руки», — и я могла видеть, как терпеливый, со спокойным взглядом мужчина трудится часами, чтобы найти удобное положение для конечности измученного болью маленького мальчика».

Гемофилия — коварная болезнь, и неделями, а иногда и месяцами Алексей чувствовал себя так же хорошо, как и любой другой ребенок. По натуре он был шумным, живым, готовым на любые шалости и проказы, как и его сестра Анастасия. Когда он научился ходить, ему нравилось съезжать по перилам в зал и врывать в классную комнату сестер, прерывая их занятия. Затем его, протестующе размахивающего руками, выносили оттуда. В три или в четыре года он часто появлялся у стола, описывая круг от гостя к гостю, чтобы пожать руку и поболтать с каждым. Однажды он нырнул под стол, снял туфлю одной из фрейлин и гордо отнес ее отцу как трофей. Николай строго приказал ему вернуть туфлю, и царевич вновь исчез под столом. Внезапно дама вскрикнула. Прежде чем надеть туфлю ей на ногу, Алексей вложил в носок огромную ягоду клубники.

После этого он несколько недель не допускался к обеденному столу.

«Он радовался жизни, когда болезнь оставляла его, и был счастливым, шумным мальчиком, — писал Жильяр. — Он был очень прост в своих вкусах и не испытывал пустого тщеславия из-за того, что он наследник, об этом он думал менее всего». Как и у всех мальчишек, его карманы были полны веревочек, гвоздей и камешков. В семье он слушался старших сестер и донашивал их ночные рубашки. Однако Алексей понимал, что вне семьи, в общественной жизни он значил больше, чем сестры. В официальных случаях именно он сидел или стоял возле отца. Только его приветствовали криками «наследник!». Вокруг него собирались толпы людей, и каждый старался до него дотронуться. Когда делегация крестьян поднесла ему подарки, они встали на колени. Жильяр спросил, почему он разрешил им это сделать, и Алексей ответил: «Я не знаю. Деревеншко сказал, что так должно быть». Рассказывали, что, когда группа офицеров полка, шефом которого он был, пришла поздравить его, он прервал шумную игру с сестрами. «Сейчас, девочки, вам придется удалиться, — сказал шестилетний мальчик, — Я занят. Меня желают видеть по делу».

Иногда под впечатлением почестей, оказываемых ему, Алексей бывал груб. В возрасте шести лет он вошел в приемную отцовского кабинета и встретил там министра иностранных дел Александра Извольского, ожидавшего аудиен-

ции у царя. Извольский продолжал сидеть. Алексей подошел к министру и сказал громко: «Когда наследник русского престола входит в комнату, все должны вставать». Но чаще он был добрым и милым. Одной из фрейлин матери, которая приласкала его, царевич протянул руку, точно копируя жест отца, и сказал с улыбкой: «Право, это так мило с вашей стороны». Становясь старше, он стал более восприимчив к чинам и этикету. Когда ему было девять лет, он послал коллекцию своих любимых колокольчиков сыну доктора Боткина Глебу, который хорошо рисовал. Вместе с колокольчиками он послал записку: «Украшай свои рисунки изображением колокольчика внизу. Алексей». Затем, вручая записку доктору Боткину для передачи Глебу, Алексей внезапно зачеркнул свою подпись. «Если я посылаю бумагу Глебу со своей подписью, это будет означать приказ, которого Глеб не может ослушаться, объяснил царевич. Но это только просьба, и он может не исполнять ее, если не захочет».

Когда Алексей стал подрастать, родители осторожно объяснили ему необходимость избегать синяков и ушибов. Тем не менее, как и всякий ребенок, Алексей тянулся к тем самым вещам, которые таили в себе наибольшую опасность. «Могу ли я иметь собственный велосипед?» — спрашивал он мать. «Алексей, ты же знаешь, что нет». «Можно ли мне поиграть в теннис?» — «Дорогой, ты же знаешь, что нельзя». Разразившись потоком слез, Алексей восклицал: «Почему другие мальчики имеют все,

а я ничего?» И вот наступали дни, когда Алексей просто игнорировал все ограничения и делал, что хотел. Это рискованное поведение, типичное для больных гефомилией, известное в медицине как «реакция сорвиголовы», соединяло в себе многие компоненты: бунт против постоянной чрезмерной опеки, подсознательная тяга доказать свою неуязвимость от несчастий и, самое главное, простое желание быть нормальным ребенком. Однажды в семь лет он появился на парадном плацу, проезжая на тайно взятом велосипеде во время смотра дворцовой гвардии. Изумленный царь сразу остановил смотр и приказал догнать, окружить и поймать несчастный велосипед и счастливого новичка-наездника. В другой раз, когда на детском празднике показывали фильм, Алексей неожиданно заставил детей влезть на столы, а сам начал неистово прыгать со стола на стол. Когда Деревеньке и другие взрослые пытались успокоить его, он весело закричал: «Все взрослые должны уходить!» — и попытался выставить их за дверь.

Родители осыпали Алексея дорогими подарками, надеясь, что он забудет запретные игры. Его комната была забита искусно сделанными игрушками. Тут была «большая железная дорога с куклами в вагонах, со шлагбаумами, станциями, домами и семафорами, сверкающими локомотивами и изумительной сигнальной аппаратурой, целыми батальонами игрушечных солдат, макетами городов с колокольнями церквей и домами, плавающими моделями кораб-

лей, прекрасно оборудованными заводами с кукольными рабочими и шахтами, точной копией настоящих, с шахтерами, спускающимися под землю и поднимающимися на-гора. Все игрушки были механическими, и маленький царевич должен был только нажимать на кнопку, чтобы привести рабочих в движение, пустить в плавание по бассейну корабли, заставить звонить церковные колокола и маршировать солдат».

Как и отец, Алексей был увлечен армейской пышностью и блеском. С рождения он носил титул гетмана всего казачества и кроме своих игрушечных солдат, крепостей и пушек имел еще собственный казачий мундир с меховой шапкой, сапогами и кинжалом. Летом он носил форму моряка русского императорского флота. Ребенком он говорил, что хотел бы быть похожим на одного из царей древних времен, чтобы сидеть верхом на белом коне и вести войска на битву. Когда же болезнь заставила его проводить все больше и больше времени в постели, он стал понимать, что таким царем ему не быть.

Алексей обладал прекрасным музыкальным слухом. В отличие от сестер, которые играли на фортепьяно, он предпочитал балалайку и научился хорошо играть на ней. Он любил природу и держал множество ручных животных. Его любимцем был шелковистый спаниель по имени Джой, длинные уши которого волочились по земле. Кроме того, царь выкупил в цирке старого дрессированного осла по кличке Вань-

ка, у которого был целый репертуар трюков. Когда Алексей посещал конюшню, осел, рассчитывая найти сахар в кармане хозяина, лез туда мордой и, если сахар был там, вытаскивал его. Зимой Ваньку запрягали в сани, и он катал Алексея по парку.

Однажды Алексею сделали весьма редкий подарок — ручного соболя Старый охотник из Сибири поймал и вместе с женой приручил его. Они решили подарить соболя царю. Старики приехали в Петербург, истратив все до копейки на далекую дорогу.

Дворцовая охрана телеграфом запросила их деревню, чтобы убедиться, что они не революционеры, после чего об их приезде было доложено императрице.

Менее чем через час пришло сообщение о том, чтобы охотник вместе с женой и соболем были представлены как можно скорее. Позже старый охотник так описал встречу с царем: «Вошел царь-батюшка. Мы бухнулись ему в ноги. Соболю посмотрел на него, как будто понял, что перед ним сам царь. Мы пошли в детскую. Царь попросил, чтобы я выпустил соболя, и дети стали играть с ним. Тогда царь пригласил нас присесть на стулья. Он стал расспрашивать меня... Что заставило меня приехать повидать его... Что любят в Сибири... Как мы охотимся... (соболю тем временем носился по комнате, преследуемый мальчиком, сметая все на пути). Батюшка-царь спросил, что нужно делать с соболем, чтобы он хорошо чувствовал себя в неволе. Когда

я объяснил, он велел мне отправить его в охотничью деревню в Гатчину. Но я сказал:

— Батюшка-царь, ничего не выйдет. Все тамошние охотники захотят продать шкуру моего соболя. Они убьют его, а скажут — несчастный случай...

Царь ответил:

— Я бы выбрал охотника, в котором уверен. Но после всего, что ты сказал, возможно, ты прав. Возьми его назад, в Сибирь. Следи за ним, чтобы он жил как можно дольше. Но помни, не забывай следить хорошенько за соболем, ведь это мой соболю теперь. Ну, Господь с тобой!»

Старику подарили часы, украшенные царским орлом, а старухе брошку. Им щедро заплатили за соболя и дали денег на дорогу. Но дети были безутешны. «Тут не поможешь, говорили они, — если папа решил, это все».

Дрессированные животные, игрушки были попыткой заменить то, в чем Алексей действительно нуждался: общество мальчишек своего возраста — товарищей по играм. Из-за гемофилии императрица не хотела, чтобы он играл со своими маленькими двоюродными братьями, которые изредка появлялись во дворце с родителями. Они представлялись ей грубыми и невоспитанными, и она боялась, что Алексея могут сшибить с ног во время игры. Его неизменными партнерами были два маленьких сына матроса Деревенько, которые играли с Алексеем под наблюдением отца. Если их игры стано-

вились, с его точки зрения, опасными, Деревенко начинал ворчать, и трое мальчиков немедленно слушались. Позднее, тщательно отобранные, проинструктированные, в чем заключается опасность, кадеты приглашались во дворец играть с царевичем.

Но чаще Алексей играл с сестрами или один.

«К счастью, — писал Жильяр, — сестры любили играть с ним. Они вносили в его жизнь элемент юного веселья, чего иным способом просто невозможно было достичь». Иногда он просто ложился на спину и долго смотрел в небо. Когда ему было десять лет, Ольга спросила его, что это он лежит так тихо. «Я люблю думать и удивляться», ответил Алексей. «Чему?» — Настаивала Ольга. «О! Есть так много вещей, — сказал он, — я наслаждаюсь солнцем и красотой лета, пока могу. Кто знает, может быть, однажды в такой вот прекрасный день я буду лишен этой возможности».

Более чем кто-либо из людей, не принадлежавших к царской семье, Пьер Жильяр понимал природу гемофилии и то, что она означает для царевича и его близких. Это понимание складывалось постепенно. Он приехал в Россию из Швейцарии в 1904 году в возрасте двадцати пяти лет. В 1905 году начал обучать сестер Алексея французскому языку. Шесть лет он приходил во дворец каждый день преподавать девочкам, однако почти не видел и не знал царевича. Он видел мальчика ребенком на руках матери: позже он видел его мельком бегу-

щим по коридору или катающимся на санках. И ничего более. О болезни Алексея он совершенно ничего не знал

«Временами его посещения классной комнаты сестер внезапно прекращались, и он долгое время не показывался, писал Жильяр. — Каждый раз, когда он исчезал, дворец охватывала величайшая депрессия. Мои ученицы были в меланхолическом настроении, которое они тщетно пытались скрыть. Когда я спрашивал их о причине, они отвечали уклончиво: «Алексей Николаевич нездоров». Я знал, что он был жертвой болезни... Но об этом никто никогда со мной не говорил».

В 1912 году по просьбе императрицы Жильяр начал заниматься с Алексеем французским языком. Ему представили мальчика восьми с половиной лет, «пожалуй, даже высокого для своего возраста, с удлиненным, совершенно правильным лицом с тонкими чертами, с каштановыми волосами медного отлива и большими серо-голубыми глазами, как у матери... У него был глубокий, острый склад ума, способность все быстро схватывать. Он поразил меня вопросами, необычными для своего возраста, которые были свидетельством тонкой, высокоорганизованной духовности. Тот, кто не заставлял его приучаться к дисциплине, как это приходилось делать мне, мог легко попасть под обаяние его личности. Под обликом капризного маленького создания, каким я его сначала узнал, я встретил ребенка с нежным, от приро-

ды благородным сердцем, чувствительного к несчастьям других, так как он много страдал сам».

Первой проблемой Жильяра было налаживание дисциплины. Любя сына и опасаясь за него, императрица не могла быть требовательной. Алексей слушался только царя, который часто отсутствовал. Из-за болезни занятия прерывались на недели, подрывая его энергию и интерес, поэтому даже когда он был здоров, он ленился.

«В это время он превращался в ребенка, который не выносил никаких замечаний, писал Жильяр. — От него никогда не требовали никакой строгой дисциплины. В его глазах я был человеком, назначенным для принуждения его к работе... Я совершенно ясно представлял причины его молчаливой враждебности... Прошло время, мой авторитет постепенно рос, и чем больше мальчик открывал мне свое сердце, тем лучше я понимал богатство его натуры и начинал чувствовать, что ребенок наделен редкими способностями и было бы несправедливо, если бы я потерял надежду».

Жильяра беспокоила изоляция Алексея от мира. Избранники судьбы даже в детстве живут иначе, чем обычные люди. Но в случае с Алексеем необходимо было учитывать те особые условия, которые порождала гемофилия. Жильяр считал необходимым сделать что-нибудь для изменения сложившегося положения. Его оценка происходящего, решимости Нико-

лая и Александры следовать его совету и мучительных переживаний их и Алексея при кровотечениях — эти страницы книги Жильяра содержат самые интимные и волнующие свидетельства малоизвестной, замкнутой жизни царской семьи.

«Сначала я был поражен и разочарован по причине недостаточной поддержки моих усилий царицей... — писал Жильяр. — Доктор Деревенко [по случайному стечению обстоятельств врач царевича носил ту же фамилию, что и слуга-матрос, хотя они не были родственниками] сказал мне, что постоянная опасность рецидивов привела к глубокому религиозному фатализму императрицы. Она склонна оставить все на волю случая, поскольку любое вмешательство, которое может причинить страдания ее сыну, — бессмысленно, если ему все равно суждено умереть».

Жильяр не согласился с Деревенко: «Я уверен, что постоянное присутствие матроса Деревенко и его помощника Нагорного вредно для ребенка. Внешняя сила, готовая вмешаться всякий раз, когда угрожает опасность, мешает, как казалось мне, развитию силы воли и способности самостоятельно ориентироваться в поведении. Получая преимущество в безопасности, ребенок проигрывает в общем развитии и отсутствии самодисциплины. Я думал, что будет лучше предоставить ему больше свободы и приучить его противостоять импульсам своих собственных движений и порывов.

Кроме того, несчастные случаи все равно не исключены. Невозможно предохраняться от всего, и чем пристальнее будет надзор, тем более раздражительным и унижительным станет он для мальчика, а это в свою очередь будет развивать в нем способность к уверткам, сделает его хитрым и лживым. Это верный способ превратить уже физически хрупкого ребенка в бесхарактерного индивидуалиста, лишённого внутреннего стержня и черствого душой.

Я говорил... с доктором Деревенько, но его так преследовал страх роковых приступов и так давил ужас ответственности, которая свалилась на него как на врача, что я не мог убедить его разделить мои взгляды. Только родители, и более никто, могли принять решение, чреватое серьезными последствиями для здоровья ребенка. К моему великому удивлению, они целиком согласились со мной и сказали, что готовы принять на себя всю ответственность эксперимента, о котором я и сам не мог думать, не испытывая ужасного беспокойства. Без сомнения, они понимали, как много вреда наносит существующая система всему лучшему в их сыне, и так как они любили его до безумия, их любовь дала им силы перенести угрозу увеличивавшегося риска... Они предпочли пережить это страдание, чем видеть, как сын превращается в безвольное, слабохарактерное существо. Алексей Николаевич был рад этому решению. В своих отношениях с товарищами по играм он всегда страдал от непрерывного наблюдения, которо-

му подвергался. Он обещал быть достойным оказанного ему доверия.

Сначала все пошло хорошо, и мое внимание ослабло, когда внезапно произошел несчастный случай, которого я так сильно опасался. Царевич находился в классе, залез на стул, неожиданно поскользнулся и в падении задел правым коленом угол какого-то предмета. На следующий день он не мог встать. Днем позже подкожное кровоизлияние уже прогрессировало, и опухоль, образовавшаяся ниже колена, быстро распространялась на всю ногу. Кожа, которая была весьма растянута, затвердела под действием крови и... причиняла боль, усиливавшуюся с каждым часом...

Я был ошеломлен. Но ни царь, ни царица ни словом не упрекнули меня. Напротив, они старались сделать все, чтобы я не впал в отчаяние... Царица сразу же осталась у постели сына. Она охраняла его, окружая нежной любовью и заботой, пытаясь бесчисленными знаками внимания облегчить его страдания. Царь заходил к сыну каждую свободную минуту. Он пытался успокоить и развлечь мальчика, но боль была сильнее, чем материнская забота или увлекательные истории, которые рассказывал отец. И вновь возобновлялись слезы и стоны. Время от времени дверь открывалась, и одна из великих княжон входила на цыпочках и целовала маленького брата, внося порыв свежести и здоровья в комнату. В этот момент мальчик открывал свои огромные глаза, вокруг которых бо-

лезнь уже положила темные круги, и почти сразу же закрывал их.

Однажды утром я застал мать у постели сына. Он провел очень тяжелую ночь. Доктор Деревеньке был обеспокоен, так как кровотечение не останавливалось, а температура повышалась. Воспаление распространялось, и боль была сильнее, чем накануне. Царевич лежал в постели и жалобно стонал. Его голова покоилась на руках матери, а маленькое, смертельно бледное личико было неузнаваемо. Иногда стоны затихали, и он бормотал только одно слово «мамочка». Мать целовала его в волосы, лоб и глаза, как будто прикосновения ее губ уменьшали его боль и возвращали к жизни, которая покидала его. Я — бессильный свидетель мук ее сына в эти ужасные часы вспоминаю об этой пытке его матери, которая знала что она сама является причиной этих страданий, так как она передала ему чудовищный недуг, против которого медицина была бессильна. Только сейчас я понял тайну трагедии ее жизни. Теперь я мог воссоздать ее крестный путь на Голгофу!».

(1) В наши дни при первом же появлении сильного кровотечения больным делают переливание свежезамороженной или концентрированной кровяной плазмы. Используются новые, необычные формы лекарств, чтобы уменьшить боль. Когда это необходимо, суставы защищают сложными пластиковыми или сделанными из легких металлов каркасами. Большинство из этих методов лечения гемофилии

разработаны недавно. Использование плазмы, например, было результатом второй мировой войны, а конструкции новых легких каркасов стали возможными благодаря синтезу металлов и пластмасс. Гемофилия сегодня — это суровая, но излечимая болезнь, и большинство больных в состоянии пережить трудные годы детства и далее живут сравнительно нормальной взрослой жизнью.

(2) В некоторых источниках фамилии двух однофамильцев — матроса и врача — пишутся «Деревенко».

Из воспоминаний С. Офросимовой

Он был горячо привязан не только к близким ему лицам, но и к окружающим его простым служащим. Никто из них не видел от него заносчивости и резкого обращения. Он особенно скоро и горячо привязывался именно к простым людям. Любовь его к дядьке Деревенько была нежной, горячей и трогательной. Одним из самых его больших удовольствий было играть с детьми дядьки и быть среди простых солдат. С интересом и глубоким вниманием вглядывался он в жизнь простых людей, и часто у него вырывалось восклицание: «когда я буду царем, не будут бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы».

Убийство Царской Семьи

Всех членов Царской Семьи с раннего детства воспитывали в духе любви к русскому народу, Русской Армии и к тому, чтобы Россия

процветала и была одним из самых могущественных государств мира. Обязанность всех членов Царской Фамилии — служение Отечеству, России. Именно поэтому интернациональная шайка Ульянова и Троцкого так ненавидела всех членов Императорской Семьи. Почти все члены Императорской Фамилии были убиты коммунистами в Петрограде, Екатеринбурге, Перми и Алапаевске. Руководили убийством Свердлов, Урицкий, Войков, Голощекин и другие «интернационалисты», враги России и Православия.

Екатеринбургская трагедия. В этом городе было совершено ритуальное убийство «темными силами» Царской Семьи.

Подробности об этом злодеянии коммунистов описаны в книге судебного следователя Соколова «Убийство Царской Семьи», переизданной Русской Православной Церковью по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Слово Святителя Тихона на убиение Царской Семьи.

Москва. Казанский собор, 8/21 июля 1918 г. — праздник Казанской иконы Божией Матери.

Святитель ТИХОН, Патриарх Московский и всея Руси.

...Счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании

в наших детях заветов Господних. Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над Ним принадлежит истории, а Он теперь предстоит перед нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что Он, отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти Себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринял для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг Он приговаривается к расстрелу где-то

в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-то вину, а за то только, что Его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние, уже после расстрела, — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: «Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие»!

Религиозно-мистический смысл убиения Царской Семьи

*Преосвященный Ар-
хиепископ АВЕР-
КИЙ.*

Страшная ночь!... Этой наступающей ночью исполняется точно 54 года со страшного злодеяния, которое совершилось на Русской земле при попустительстве Православного Русского народа: увы! Как это ни страшно, как это ни больно, как это ни скорбно сознавать!

Слабое утешение для нас в том, что непосредственное убийство Царской Семьи совершенно было не русскими руками — руками неправославных и нерусских людей. Хотя это и так, но весь Русский народ повинен в этом ужасном беспримерном злодеянии, поскольку не противостал, не воспрепятствовал ему, в вел себя так,

что это злодеяние явилось естественным выражением того настроения, которое к этому времени созрело в умах и сердцах несомненного большинства несчастных заблудившихся русских людей, начиная с «низов» и кончая самыми «верхами» — высшей знатью. Злодеяние это — совершенно беспримерное в истории не только России, но и всего человечества: по своему крайнему напряжению злых сил, по своей невероятной, можно сказать, даже бессмысленной жестокости, принимая особенно во внимание, что был убит, без всякого суда и следствия, не только ни в чем неповинный наш Царь-Государь, но и вся Его Семья — чистые невинные Дети и преданные Ему всем сердцем верные слуги. Трудно себе даже вообразить, что было в жестоких сердцах этих лютых кровожадных убийц, потерявших и совесть и стыд и всякое человеческое подобие.

Весь Русский народ несет вину за этот тяжкий грех, совершившийся на Русской земле. Но, увы! вот прошло уже 54 года, а далеко не все русские люди сознали всю тяжесть и губительность этого страшного греха! Многие до сих пор с удивительным легкомыслием относятся к этому страшному событию, а есть и такие, которые доселе еще носят в своих душах отраву, приведшую нашу несчастную Родину-Россию к этому жуткому преступлению.

А между тем, казалось бы, все православные люди после всего ими пережитого с тех пор должны были бы окончательно прозреть и дать

должную оценку всему происшедшему — всему кровавому бедствию, постигшему нашу Родину в результате страшного греха Цареубийства.

Служение нами панихид по Царской Семье — это акт несколько не политический, а чисто духовный, религиозно — мистический, как и самое убийство Царской Семьи тоже не было обычным политическим актом, как убийства многих других монархов, президентов, министров и разных высокопоставленных лиц. Нет! Это убийство носило совершенно особый характер, о чем свидетельствует хотя бы надпись — каббалистическая надпись, обнаруженная на стенах подвала Ипатьевского дома, где совершено было это страшное убийство — убийство, имевшее чисто мистическое, а отнюдь не политическое значение и смысл.

Это убийство было продумано и организовано никем другим, как слугами грядущего антихриста — теми продавшими свою душу сатане людьми, которые ведут самую напряженную подготовку к скорейшему воцарению в мире врага Христова — антихриста. Они отлично понимали, что главное препятствие, стоявшее им на пути, это — Православная Царская Россия. А поэтому надо уничтожить Россию Православную, устроив на месте ее безбожное боготорческое государство, которое бы постепенно распространило свою власть над всем миром. А для скорейшего и вернейшего уничтожения России надо было уничтожить Того, Кто был

живым символом — Царя Православного — нашего Благочестивейшего Государя, который был поистине «Благочестивейшим» — не только потому, что такова была формула поминовения Его за богослужением, но и по Его особенному, действительно благочестивому настроению Его подлинно христианской души. Вот почему так ненавидели Его особенной лютой ненавистью все эти сатанисты — слуги антихриста, скрежетали зубами на Него, клеветали...

Увы! До настоящего времени этим клеветам кое-кто еще верит. <...> Как это странно, когда и русские люди иногда повторяют эти гнусные, отвратительные клеветы о нашем милостивейшем, добрейшем, гуманнейшем Царе, подлинном христианине. Такова была и вся Его благочестивая Семья. Государыня Императрица, которую так гадко и несправедливо порочили, была высоконравственной женщиной, настоящей русской патриоткой и глубоко верующей православной христианкой. В таком же точно духе Они воспитывали и Своих Царственных Детей. Нам известно, что в царском дворце порою ежедневно совершалась Божественная литургия, о чем свидетельствуют духовники Царской Семьи, причем Сама Государыня Императрица и четыре Великих Княжны пели всю литургию на клиросе Сами и со слезами всегда исповедывались. Вот сколь велико было благочестивое, истинно христианское настроение Их душ! А эти изверги рода человеческого уготовали для Них такую ужасную, жестокую, му-

чительную смерть. Поистине, только сам сатана мог так ополчиться со всею своею злобою на эту благочестивейшую Семью — только потому, что Она была символом Православной России, символом Святой Руси, которая была оплотом истинной Православной веры для всего мира, для всего человечества.

Наш великий всероссийский Праведник Святой Иоанн Кронштадский неоднократно высказывался прямо и решительно, что до тех пор антихрист не придет, пока существует в России самодержавная царская власть, которая «сдерживает бесчинное шатание безбожников». А когда Царя не будет, тогда антихрист и явится. Провидел наш великий Праведник эти страшные времена, хотя и не дожил до них: все это случилось сравнительно скоро после его кончины († 1908 г.) Когда однажды приехали к нему благочестивые богомольцы из Перми, он встретил их непонятным, загадочным заявлением: «Над Пермью повис черный крест!» Они поняли, что это обозначало, только после ужасного события Цареубийства в 1918 году, ибо г. Екатеринбург, где совершилось это страшное злодеяние, входил тогда в состав Пермской губернии. Когда затем Св. Прав. Иоанн служил в подворье Леушинского монастыря, он начал во время своей проповеди взывать: «Кайтесь! Кайтесь! Наступает страшное время — такое страшное время, что вы и представить себе этого не можете!» «Когда это будет?» — спросила его

80-тилетняя старица игуменья Таисия. «Мы с тобой, матушка, не доживем до этого, — сказал Св. Иоанн, — но вот они, он — указал на более молодых монахинь, — они доживут!»

Конечно, нам теперь понятно, о каких это страшных временах предрекал наш великий Праведник.

Увы! Все это случилось только потому, что православные русские люди не обращали внимания на пламенные призывы своего Праведника, который часто в своих проповедях взывал: «Нам необходимо всеобщее нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские. Очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом, и Бог примирится с нами!»

Этого всеобщего нравственного очищения, это всенародного глубокого покаяния не последовало. Не видно его — увы! — и до настоящего времени! И в этом — единственная причина, почему, несмотря на горячее желание многих из нас, несмотря на наши молитвы, не приходит до сих пор спасение нашей Родины-России.

Без покаяния — нет спасения — так в один голос утверждали многие Святые Отцы Церкви и Святые Подвижники благочестия.

И пока мы не образумимся полностью и не принесем настоящего покаяния Богу, до тех пор мы не можем рассчитывать ни на что хорошее, ни на что подлинно доброе: зло будет только все более и более усиливаться и сгущаться в

мире, пока не придет страшная пора явления антихриста, признаки близкого пришествия которого становятся столь явными и очевидными, что только духовные слепцы этого не видят или — вернее — не хотят видеть и замечать.

Вот почему нынешний наступающий день объявлен нашей Высшей Церковной Властью «Днем Русской Скорби» и в этот день назначен строгий пост. Это день глубокого всенародного покаяния, к которому напрасно в свое время призывал нас великий всероссийский Праведник.

Вот почему <...> мы, по постановлению нашей Высшей Церковной Власти, читаем особую, с покаянным коленопреклонением, покаянную молитву, слова коей заимствованы из молитвы трех отроков, находившихся в плену Вавилонском.

Очистимся же с вами, братие! Омоемся слезами покаяния, оставим нравы языческие и постараемся приобрести нравы христианские, примиримся с Богом: оставим нашу взаимную злобу, зависть, клевету и ненависть, проникнемся, по заповеди Христовой, чувством истинно христианской любви к ближнему, возлюбим паче всего на свете нашего любящего Творца и Отца — Бога, и нашу Матерь — Святую Церковь, без чего безнадежно рассчитывать нам на какое бы то ни было лучшее будущее, без чего не воскреснет наша несчастная Родина-Россия, и без чего весь мир ожидает, несомненно, надвигающаяся на него страшная гибель. Аминь.

Из крови, пролитой в боях...

Максимилиан
Волошин

*Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений искупленья —
Возникнет праведная Русь.
Я за нее одну молюсь,
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В сердечных плавится молитвах.*

ЧУДЕСА СВЯТОГО МУЧЕНИКА И СТРАСТОТЕРПЦА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Чудо спасения по молитвам Царевича Алексея

В Русской эмигрантской печати сообщено в 1947 г. о дерзновенном молитвенном призывании Царской семьи в опасности, когда сотня казаков, потеряв связь с обозом и войском, оказалась в окружении красных среди болот. Священник о. Илия призвал всех к молитве, говоря: «Сегодня день памяти нашего Царя-мученика. Сын его, отрок Алексей-Царевич, был войск казачьих Атаманом почётным. Попросим

их, чтобы ходатайствовали пред Господом о спасении христоролюбивого воинства казачьего».

И отец Илия отслужил молебен «Царю-мученику, Государю Российскому». А припев на молебне: «Святые мученики дома Царского, молитесь Бога о нас». Пела вся сотня и обоз. В конце молебна отец Илия прочитал отпуст: «Молитвами святого Царя-мученика Николая, Государя Российского, Наследника его отрока Алексея-Царевича, христоролюбивых войск казачьих атамана, благоверной Царицы-мученицы Александры и чада её Царевен-мучениц помиут и спасет нас, яко благ и человеколюбец».

На возражения, что эти святые мученики ещё не прославлены и чудеса от них ещё не явлены, о. Илия возразил: «А вот молитвами их и выйдем... А вот и прославлены они... Сами слышали, как народ прославил их. Божий народ... А вот и покажет нам путь святой отрок Алексей-Царевич».

— А вот не видите вы чуда гнева Божия на Россию за неповинную кровь их... А вот явления узрите спасением чтущих святую память их... А вот указание вам в житиях святых читайте, когда на телесах святых мучеников без всякого прославления христиане храмы строили, лампы возжигали, молились таковым яко предстателям и ходатаям...»

Сотня и обоз из окружения вышли чудесным открытием о. Илии.

Шли по колени и по пояс, проваливались по шею... Лошади вязли, вытаскивали, опять шли.

Сколько шли и устали ли, не помнят. Никто ничего не говорил. Лошади не ржали. И вышли... 43 женщины, 14 детей, 7 раненых, 11 стариков и инвалидов, 1 священник, 22 казака — всего 98 человек и 31 конь. Вышли прямо на ту сторону болота, угол которого занимали казаки, сдерживающие обходное движение красных, прямо в середину своих. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путём. И шума перехода не слышал неприятель. И следа, куда ушли отрезанные, не могли утром установить красные партизаны. Были люди — и нет их!

Самопроявляются нимбы над головами Императора Николая и Царевича Алексея

*Екатеринбург,
11 ноября 2003 г.*

С каждым богослужением все ярче и ярче становятся самопроявляющиеся нимбы над головами императора Николая и царевича Алексея на одной из икон Успенского храма села Зайково Ирбитского района, сообщает «Информационное агентство Екатеринбургской епархии». Прихожане считают это свидетельством того, что Господь ниспослал на нее Свою благодать.

История появления этой иконы в селе Зайково необычна. Принесли ее настоятелю местного храма иерею Георгию Кормышакову местные жители, прихожане храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Они рассказали, что

приобрели ее у одного из жителей города Полевского, который, якобы, сам написал ее. На иконе был изображен император Николай Второй и царевич Алексей.

Священник поначалу настороженно отнесся к самодельной иконе неизвестного мастера — оставил ее на какое-то время в хозяйственном помещении. Смutilo отца Георгия то, что не было на иконе над головами Святых Царственных Страстотерпцев нимбов. Но в июле, как раз накануне дня мученической кончины венценосной семьи, икона неожиданно для всех начала мироточить. Посчитав мироточение свидетельством того, что икона «принята» Господом, ее установили в церкви.

По свидетельству прихожан храма, спустя какое-то время над головами царя Николая и царевича Алексея начали появляться чуть заметные очертания нимбов, которые с каждым богослужением становились все ярче и ярче. Сейчас, спустя два месяца после замеченного начавшегося видоизменения иконы, самопроявляющиеся нимбы видны уже невооруженным глазом даже не специалисту.

Чудо в Боголюбове

Весть о том, что в монастырском соборе поселка Боголюбове чудесным образом проявилась фреска с изображением царя-мученика Николая Второго, мигом облетела всю православную Россию. И характерные, узнаваемые черты лица, и корона на главе (а может быть,

венеч — царственный или мученический) — все говорит о том, что именно последний русский самодержец смотрит на нас с внутренней арки центрального алтаря храма.

— Есть ли скептики? — интересуюсь у редактора газеты «Православный Суздаль» Виктора Громыко.

— Там, где чудо, всегда хоть один скептик, да найдется, — отвечает Виктор Григорьевич. Но для нас, прихожан храма, нет никакого сомнения, что это именно чудо. Даже если предположить, что неизвестный художник тайно от всех нарисовал Государя... Однако это сделать практически невозможно. Во-первых, здесь, как в большой семье, ничего невозможно скрыть: любой чих становится известен на следующий же день. Во-вторых, службы в соборе ведутся с раннего утра и до позднего вечера. Народу всегда много. За несколько ночных часов невозможно возвести леса на два десятка метров вверх и на самой верхней полусфере нарисовать портрет Государя. Да и он вовсе не был «нарисован» в одночасье. Его образ проявлялся, словно на фотопленке, в течение длительного времени — нескольких месяцев. Уже сам факт подобного феномена способен разбить все сомнения скептиков-материалистов.

Но это еще не все. Совсем недавно на четырехгранном столпе храма, стоящем справа от иконостаса, если стоять к нему лицом, стал проявляться образ святого мученика царевича Алексея, за которым угадывается образ святой му-

ченицы Александры Федоровны, его матери. Чудны дела Твои, Господи!

Свято-Боголюбов монастырь — один из древнейших на Руси. Он был основан великим князем Андреем Боголюбским в 1155 году. Именно на этом месте великому князю во сне явилась Божия Матерь и повелела перенести столицу русского государства из Киева во Владимир. Андрея Боголюбского часто называют первым русским царем. В основанном им монастыре была и резиденция великого князя, где он жил и правил Русью в течение почти 20 лет, стремясь к объединению раздробленных удельных княжеств в единое царство. За то и поплатился: в 1174 году он принял мученическую кончину от рук заговорщиков.

Андрей Боголюбский был причислен Православной Церковью к лику святых. Не случайно именно сюда, на родину русского самодержавия, 16 мая 1913 года прибыл император Николай Второй со своей семьей. Отслужив торжественный молебен в соборе, царь прошел в великокняжеские палаты и помолился на месте убиения Андрея Боголюбского. А через пять лет Государь также примет мученическую кончину в Екатеринбурге... Первый царь и последний царь: насколько схожи судьбы...

Есть и еще одно мистическое совпадение. Память святого благоверного великого князя Андрея Боголюбского совершается 17 июля. Именно в ночь на 17 июля в подвале Ипатьевского дома был расстрелян Государь вместе с семьей.

В 20-30-х годах большевики разграбили некогда славившийся своей красотой монастырь. Настоятель Боголюбова монастыря отец Петр известен как прозорливый старец, к нему едут со всей России. Батюшка — участник Великой Отечественной войны, освобождал от фашистов Белград.

Отец Петр прославлял Государя как святого задолго до его канонизации на последнем Архиерейском соборе. А летом 1999 года в Боголюбской обители замироточила икона Царя-мученика. И до сего времени на поверхности иконы выступают благовонные капли мира...

Все, кто видел явленный лик Государя, считают это чудо добрым знаком. Тем более что царь на фреске — благословляет смотрящих на него.

Андрей Викторович Викторов п. Боголюбово, Суздальский район, Владимирская обл.
РУССКИЙ ДОМ № 7, 2001

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Подшефные подразделения

Войсковые подразделения, в которых Цесаревич Алексей был шефом, и в списках которых числился

Константиновское артиллерийское училище;
1-ый Нерчинский Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полк Забайкальского казачьего войска;

1-я Забайкальская казачья Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батарея;

12-й Сибирский стрелковый Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

14-й гренадерский Грузинский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

89-й пехотный Беломорский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк;

5-й гренадерский Киевский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

16-й драгунский Тверской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

1-й Волгский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк Терского казачьего войска;

2-й Донского казачьего войска Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

Ташкентский Наследника Цесаревича кадетский корпус;

3-й Кубанский пластунский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батальон.

Алексеевское военное училище;

Морское Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича училище;

Лейб-гвардии Московский полк;

206-й пехотный Сальянский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

Новочеркасское казачье училище;

Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

2-й Лейб-гусарский Павлоградский Императора Александра III полк (2-й шеф);

4-я Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича батарея Лейб-гвардии конной артиллерии;

51-й пехотный Литовский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк;

Лейб-гвардии Финляндский полк.

Подразделения, в списках которых Цесаревич числился

80-й пехотный Кабардинский Генерал-фельдмаршала Барятинского полк;

Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк;

1-й Кадетский корпус;

Лейб-гвардии Сводно-казачий полк;

Лейб-гвардии Гренадерский полк;

Лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк;

Александровское военное училище;

6-я Лейб-гвардии Донская казачья Его Величества батарея Лейб-гвардии конной артиллерии;

Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Марии Федоровны полк;

Казачья сотня Николаевского кавалерийского училища;

Лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк;

Павловское военное училище;

Лейб-гвардии Измайловский полк;

Лейб-гвардии Саперный полк;

Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк;

13-й Лейб-гренадерский Ереванский Царя Михаила Федоровича полк;

16-й стрелковый Императора Александра III полк;

Лейб-гвардии Преображенский полк;

1-й Лейб-гренадерский Екатеринославский Императора Александра II полк;

84-й пехотный Ширванский Его Величества полк;

Лейб-гвардии Егерский полк;

5-й гусарский Александрийский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк;

Кавалергардский Ее Величества Государыни Марии Федоровны полк;

18-й драгунский Северский Короля Датского Христиана IX полк;

Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк;

Собственный Его Императорского Величества конвой;

65-й пехотный Московский Его Величества полк;

Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк;

Лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада;

Лейб-гвардии Семеновский полк;

Лейб-гвардии Павловский полк;

1-я Его Величества батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии;

17-й драгунский Нижегородский Его Величества полк;

Гвардейский экипаж;

Лейб-гвардии 3-й стрелковый Его Величества полк;

Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк;

Собственный Его Императорского Величества железнодорожный полк;

1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева, ныне Его Величества полк.

Лейб-гвардии Волынский полк.

По списку военно-походной канцелярии Его Императорского Величества, 1917 г.

Приложение 2. Телеграмма на имя его императорского величества от главнокомандующего армиями юго-западного фронта

25 октября 1915 г.

Всеподданнейше ходатайствую о награждении Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича серебряною медалью 4-й степени на Георгиевской ленте в память посещения Его Императорским Высочеством вечером 12-го сего октября раненных в районе станции Клеван в сфере дальнего огня неприятельской артилле-

рии, а также пребывания 13-го сего октября в районе расположения корпусных резервов 11-й и 9-й армий. При этом дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что таковым награждением Вы соизволите вновь осчастливить армии Юго-западного фронта, в сердцах всех сынов коих уже навечно запечатлелись те радостные чувства предельной преданности своему Верховному Вождю и готовности положить жизнь свою за царя и родину, кои они испытывали при Вашем посещении армий.

Подписал генерал-адъютант Иванов.

*Опубликовано в журнале «Нива», 1915 г.,
№ 45, стр. 819*

Приложение 3. Некоторые итоги правления Николая II

Из книги С. С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II»

За двадцать лет правления Николая II население империи возросло на пятьдесят миллионов человек — на 40 %; естественный прирост населения превысил три миллиона в год. Наряду с естественным приростом ... заметно повысился общий уровень благосостояния.

Так, потребление сахара с 25 млн. пудов в год (8 фунтов на душу в 1894 году) превысило

80 млн. пудов (18 фунтов на душу) в 1913. Увеличилось и потребление чая (75 млн. кг. в 1913; 40 млн. в 1890).

Благодаря росту сельскохозяйственного производства, развитию путей сообщения, целесообразной поставке продовольственной помощи, «голодные годы» в начале XX века уже отошли в прошлое. Неурожай более не означал голода: недород в отдельных местностях покрывался производством других районов.

Урожай хлебных злаков (ржи, пшеницы и ячменя), достигавший в начале царствования, в среднем, немногим более двух миллиардов пудов, превысил в 1913 — 1914 гг. четыре миллиарда.

Удвоилось количество мануфактуры, приходящейся на голову населения: несмотря на то, что производство русской текстильной промышленности увеличилось процентов на сто, ввоз тканей из-за границы также увеличился в несколько раз.

Вклады в государственных сберегательных кассах возросли с трехсот миллионов в 1894 до двух миллиардов рублей в 1913 годах.

Добыча каменного угля увеличивалась непрерывно. Донецкий бассейн, дававший в 1894 году меньше 300 млн. пудов, в 1913 давал уже свыше полутора миллиарда. За последние годы началась разработка новых мощных залежей Кузнецкого бассейна в Западной Сибири. Добыча угля по всей империи за двадцать лет возросла более чем вчетверо. В 1913 году добыча

нефти приблизилась к 600 млн. пудов в год (на две трети больше, чем в начале царствования).

В России быстро выросла металлургическая промышленность. Выплавка чугуна увеличилась за двадцать лет почти вчетверо; выплавка меди — впятеро; добыча марганцевой руды также в пять раз. В области машиностроения за самые последние годы проявился быстрый рост: основной капитал главных русских машинных заводов за три года (1911-1914) возрос с 120 до 220 млн. рублей. Производство хлопчатобумажных тканей с 10,5 млн. пудов в 1894 году удвоилось к 1911 и продолжало возрастать далее. Общее число рабочих за двадцать лет с двух миллионов приблизилось к пяти.

С 1 200 млн. в начале царствования бюджет достиг 3,5 миллиардов. Год за годом сумма поступлений превышала сметные исчисления; государство все время располагало свободной наличностью. За десять лет (1904 — 1913) превышение обыкновенных доходов над расходами составило свыше двух миллиардов рублей. Золотой запас госбанка с 648 млн. (1894 год) возрос до 1604 млн. (1914). Бюджет возрастал без введения новых налогов, без повышения старых, отражая рост народного хозяйства.

Протяжение железных дорог, как и телеграфных проводов, более чем удвоилось. Увеличился и речной флот — самый крупный в мире. (Пароходов в 1895 году было 2 539, в 1906 — 317.)

Русская армия возросла приблизительно в той же пропорции, как и население: к 1914 году

она насчитывала 37 корпусов (не считая казаков и нерегулярных частей), с составом мирного времени свыше 1 300 000 человек. После японской войны армия была основательно реорганизована. Русский флот, так жестоко пострадавший в японскую войну, возродился к новой жизни, и в этом была огромная личная заслуга Государя, дважды преодолевшего упорное сопротивление думских кругов.

О росте народного образования свидетельствуют следующие цифры: к 1914 году расходы государства, земства и городов на народное образование составили 300 млн. рублей (в начале царствования — около 40 млн.).

О числе книг и периодических изданий в России за 1908 год имеются следующие данные: периодических изданий было 2 028, в том числе 440 ежедневных. Книг и брошюр издано 23 852 названия, 70 841 000 экземпляров, на сумму 25 млн. рублей.

Хозяйственная самостоятельность широких масс выразилась в беспрецедентно быстром развитии кооперации. До 1897 года в России было всего около сотни потребительских обществ с небольшим числом участников и несколько сот мелких ссудо-сберегательных товариществ... Уже к 1 января 1912 года число потребительских обществ приближалось к семи тысячам... Кредитные кооперативы в 1914 увеличили в семь раз свой основной капитал по сравнению с 1905 годом и насчитывали до девяти миллионов членов.

На фоне общей картины могучего роста Российской империи особо выделялось развитие ее азиатских владений. За двадцать лет около 4 миллионов переселенцев из внутренних губерний нашли себе место в Сибири.

На двадцатом году царствования императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспевания... Происходящую в России перемену отмечали иностранцы. В конце 1913 г. редактор «Economist Europeen», Эдмон Тэри, произвел по поручению двух французских министров обследование русского хозяйства. Отмечая поразительные успехи во всех областях, Тэри заключил: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 года идти так же, как они шли с 1900 по 1912, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Вот что писал о последних днях царствования Николая II Уинстон Черчилль:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже претерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена...»

В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успех...

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех его любящих предадут на страдание и смерть. Его усилия уменьшают; его действия осуждают; его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России».